"Прекрасные, возвышенные семейные отношения", - только и успел насмешливо подумать Морго, как снова ощутил толчок. Как будто лилипут поднял ногу и пнул его в зад изо всех сил. Будто его пытались побить мешком с мягкой ватой.

Чтож, он будет не он, если не обменяется любезностью с этим насекомым. Морго немедленно занялся поисками раздражающего объекта.

С тех пор как Морго вновь появился в одном мире с Уинкерботтом, его присутсвие ощущалось для женщины как волна прилива, которая временами приходит из океана, окатывает с головой, пытается сбить с ног и утянуть за собой.

Она как раз раскладывала костер, когда почуствовала это.

Смесь тошноты, головокружения и головной боли.

Уинкеботтом буквально отполировала задом камень, пытаясь устроиться поудобней, так чтобы поменьше темнело в глазах и болело. Но любое положение на каменном ложе, лежачее или полулежачее, подходило только для страданий.

Уинкерботом мужественно терпела боль до тех пор, пока ей не пришла в голову мысль использовать рюкзак как подушку. Неожиданно это возымело целительное воздействие.

Женщина скептически относилась к лечебным свойствам стеблей жухлой травы, из которой была наспех сплетена заплечная сумка. Скорее всего в рюкзаке лежало нечто, что по непонятным причинам помогало снять приливы боли и тошноты.

Чтож, у нее было время для экспериментов.

По очереди она начала доставать разные предметы и прикладывать их к голове.

Вещей в рюкзаке осталось значительно меньше, чем вначале спуска в пещеру. Что-то ушло на факелы и костер, что-то сгодилось в пищу по дороге.

В месте где лежал теневой меч в рюкзаке образовалась протертая дырка и туда уже успело провалиться несколько камней.

Оказалось, что меч немного помогал от головной боли и тошноты, а теневая броня помогала от всего этого вообще отлично. Правда, у этих вещей был негативный дебафф. Падение рассудка. Окружавющее становилось эфемерней, прозрачней. Но по сравнению с головной болью, такое можно было временно потерпеть.

Самочувствие улучшилось настолько, что женщина сумела при помощи меча отколоть от стены пару крупных наростов высохшего гуано.

Помет летучих мышей содержит много фосфора и азота, что делает гуано отличным топливом для костра. Пламя благодарно взметнулось вверх, получив новую пищу. Запах правда при этом шел от кострища просто отвратительный. Но главное ведь, что огонь горит. А светит и греет гуано хорошо.

Разгоревшийся огонь высветил из темного марева каньона высокую каменную гряду. Она напоминала остров в туманном море. Эта скала была самой близкой к Уинкерботтом возвышенностью и возникала из бездны где-то в 30 метрах от обрыва. Близкое, но непреодолимое расстояние для тех, кто не научился летать.

- Да, попала я в переделочку, подумала женщина, стараясь прожевать кусок жесткого запеченного мяса. Ее тело выдержало практически 12 часовой поход по труднопроходимой местности и нуждалось в востановлении. Уинкерботтом вытянула свои тощие ноги и начала разминать икры.

А не превышает ли спуск и переход через пропасть мои скромные возможности?,- задумалась она. Трудно было сказать наверняка.

У нее не было такой уверенности.

При любых обстоятельствах это непростое дело стоило как следует обдумать.

Свет костра позволял увидить несколько уступов , с которых можно было перебраться друг на друга. Затем шла отвесная поверхность, безопасно преодолеть которую можно было только спустившись на веревке. Отвес заканчивался наклонной осыпью из известняка. Но до этого относительно легкого участка, нужно было преодолеть расстояние, сравнимое с 2-х этажным домом.

Уинкероттом чувствовала уважение даже к такой высоте. Вэс как-то сломал лодыжку, неудачно приземлившись. Обычный самоуверенный прыжок с дерева. Случись это где-нибудь еще, Вэс может быть пострадал бы несколько дней и все. Но здесь он умер через несколько минут.

Может быть в момент когда Вэс корчился на земле и ловил ртом воздух от боли, его ужалила змея, может быть у него оторвался тромб, или под влиянием травмы развилась молниеносная жировая эмболия. Но Уинкерботтом не покидала мысль, что в тот раз именно Постоянство убило Вэса.

Нельзя разумеется исключать и фатальную случайность. В конце концов, пацан был одним из тех невезучих и неловких долбо*в , которые даже когда идут поссать, либо забудут расстегнуь ширинку, либо встанут против ветра. Однако после нескольких схожих в своей абсурдности случаев, Уинкерботтом не покидала мысль о существовании некого персонального счетчика, который каждый житель Постоянства накапливал или скручивал своими действиями. Вэс, как раз, был чемпионом по поискам неприятностей. Он всегда накручивал свой счетчик до предела.

Счетчик ей представлялся в виде снежного кома. Достигнув в критический момент своего лимита он обрушивался лавиной нелепых, но смертоносных случайностей на неудачника, который слепил его из своих неправильных решений, рисков и дерьмовой фортуны.

Она и сама как-то словила такой заряд "сноуболла" в пустыне. Не заметила как термальный камень в рюкзаке перестал понижать температуру и перегрелся. Зашла слишком далеко, чтобы вернуться к месту, где можно было охладиться. Адские гончие и песчаная буря только довершили дело.

Сейчас у Уинкерботтом были основания понервничать: запасы удачи были потрачены извержением вулкана, под землей трижды она возможно свернула не туда, побоявшись проталкиваться в узкие галереи.

Посматривая вниз, женщина каждый раз ощущала тревогу.

Уинкерботтом не слишком сильно бы удивилась, если бы тот, кто сорвался в этом месте стал по меньшей мере инвалидом после падения.

Нет, может быть другие люди покрепче и организм их устроен иначе, но эта женщина лучше пока побережет свои кости.

Рано или поздно отсутсвие света может начать сводить человека с ума. Огонь костра притягивал взгляд с непреодолимой силой , и в тоже время казалось, что в темноте что-то движется и там блестят чьи-то глаза.

Как же хотелось развеять эту вечную ночь.

Уинкерботттом чувствовала что мрак протягивает свои щупальца именно к ней. На нее смотрят эти исчезающие, стоит посмотреть в их сторону, глаза. Ощущалось кожей, как из темноты к женщине незримо протягивались липкие черные нити чужого внимания.

Однажды в их библиотеке проводился очредной бессмысленный конкурс-сочинение. "Что бы вы, дети, взяли с собой на необитаемый остров?" Приз достался отличнику-ботанику, написавшему "правильный", точнее ожидаемый от хорошего ученика ответ: "Я взял бы с собой книгу. Книга - лучший друг путешественника". Ну и все такое.

Родителей другого пацана, желавшего прихватить с собой на остров топор, вызвали в школу. С ними долго беседовала строгая тетя-психолог. Хотела отправить мальчика на комиссию.

Остальных детей похвалили и выдали благодарственные грамоты за участие.

Уинкерботтом отдала свой голос за участницу, которая хотела взятьс собой зажигалку. Это юное создание, Уиллоу, была не такой как большинство веселых и беспечных ребятишек. Уинкерботтом тогда очень впечатлилили ее слова "Ничто не сдержит тьму лучше ревущего пламени" и "До чего же приятно наблюдать за тем, как все твои беды вспыхивают одна за другой и тут же обращаются в пепел".

Такое богатое воображение и столь же яркое изложение мыслей. Как постоянный член литературного клуба, Уинкерботтом была приятно удивлена.

Эти слова рождали какие-то странные образы, буквально засевшие у нее в голове. И они соответсвовали истине,- таково было ощущение Уинкерботтом.

Она хотела найти эту девочку и поговорить с ней. Дети отправили ее к стеллажам с зарубежной литературой. Там она и обнаружила Уиллоу, сжигавшую свою благодарственную грамоту.

"Хотела бы я, чтобы она горела подольше", - можно было услышать ее шепот.

А еще говорят, дети обладают непревзойденной интуицией, даром который защищает их от

всевозможных опастностей окружающего мира.

Нет, дети невероятно глупы.

Уинкерботтом была рассержена и разочарована идиотизмом современного поколения. Впрочем, не впервые.

Она надвинула на нос крупные очки с толстыми стеклами, которые, она знала это, пугали детей и придавали ей вид злобной ведьмы.

-Почему ты, глупый ребенок, играешься тут с огнем? Хочешь нас всех спалить?

Уилллоу нервозно теребила в руках зажигалку. Она объяснила свой поступок так:

- Вещи намного красивее, когда они горят, миссис.

Для библиотекаря огонь - это дым, копоть, опасность, ничего кроме неприятностей. Конечно, тогда Уинкерботтом позаботилась, чтобы паршивке досталась как можно более суровая взбучка.

Сейчас она бы охотно зажгла огни повсюду и поставила между собой и мраком ту огненную стену ревущего пламени, о которой говорила юная Уиллоу.

Вдруг, Уинкерботтом будто получила ответ на свои мысли.

Бесконечная тьма была вынуждена отступить, когда загорелись непонятные знаки. которые покрывали каменную гряду напротив. На скале зажглись ровным светом кованные бронзовые треножники. Через мгновение выступили из тьмы другие каменные гряды , получившие такое же освещение. Этот необычный свет не разлетался по всей пещере, освещая все вокруг, а только держался рядом с тем, что ему было положено освещать, стлался по своей скале как туман.

Произошедшее можно было объяснить и цепочкой химических реакций, запущенных теплом и светом или природной биолюминисценцией, но подозрительность Уинкерботтом все же подтачивала мысль о том, что это все вовсе не естественные процессы и никакой не "подарок" судьбы.

Она то ли как-то пропустила момент, когда рисунки стали крупнее, то ли зрение значительно улучшилось, однако глаза женщины стали различать то, что нарисовано на камне четко и во всех подробностях. Сами скалы, казалось, имели способность изменять свои размеры и становиться ближе. Было похоже, что изображения обладали своей волей и хотели чтобы на них посмотрели.

Первое впечатлением Уинкерботтом стало, что кто-то захотел уничтожить пустоту каменной поверхности хаосом из непонятных символов. Однако, автор не ограничивался своим экзотическим "алфавитом". Можно было заметить силуеты людей , которые были развернуты так, будто шли в одну сторону, составляя процессию. Когда они "подходили" к кривой округлой борозде, как бы обрывающей их путь, с ними происходила метаморфоза, искажающая, вытягивающая и преображающая изображение человеческих фигур в силуеты существ уже не принадлежавших к человеческому роду.

За этой границей область рисунка превращалась в скопление невнятных темных пятен и символов, окружающих изображение огромного псоглавца. Эти пятна и фигура показались Уинкерботтом какими то масляными, как будто изображение наносили не краской, а какой-то червяк своим брюхом вымазал изображение, так что оно переливалось всеми антрацитовыми оттенками.

Фокусы, случившиея с зрением были за пределами понимания , однако это позволяло Уинкерботтом разглядывать даже объекты, с которыми ее разделяло значительное расстояние. Дальний утес, появившийся в ее поле зрения последним был выложен мозаикой из осколков разноцветных камней, среди которых иногда попадались обычные, повседневные вещи, вроде зонтика, плюшевого мишки или бумажника. Поверхность вокруг них была покрыта паутиной трещин, будто получила удар чем-то тяжелым. Эти предметы располагались вокруг сооружения, напоминавшего арку портала . Постамент был выполнен в виде двух витиевато украшенных арабесками оснований, соединенных дугой, в навершии которой находился огромный глаз.

Наиболее развалившийся рисунок, расположенный на скале сбоку показывал нечеловеческий город, которому пришел конец. Рельефную лепнину, на которую было нанесено изображение кое-где покрывали следы облупленного лака. Похоже оно было делом рук кого-то более древнего, чем предыдущий исполнитель.

Эти раскрашенные барельефы могли бы стать интересным объектом для любого музея, или украшать художественную галерею как картина Брюллова "Последний день Помпеи". Но Уинкерботтом нутром чувствовала их чужеродность. как и то, что они совсем не предназначчены для декорации.

Вытянутые дома, больше напоминавющие башни, не имели окон, как будто их обитатели в них не нуждались и были расставлены, как попало, не подчиняясь какому-то геометрическому порядку. Жители города хотя и носили одежду, напоминающую платья и фраки , викторианской эпохи, имели звериные головы. Они скопились на крышах своих башен для того, чтобы по-очереди спрыгнуть вниз. Гигансткая фигура песочных часов полностью доминировала над городом зверей. Полностью просыпавшиеся вниз крупицы песка свидетельствовали о том, что время города и его обитателей истекло.

Для кого в таком месте были высечены эти барельефы и нарисованы странные орнаменты и рисунки? Кого они могли бы порадовать под землей? Куда ведет эта арка портала? Может лучше было этого и не знать.

http://tl.rulate.ru/book/47747/1212100